

**ПРОГРАММА АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА: ФОРМАЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ
ИЛИ ПОЛЕЗНЫЙ ОПЫТ**

Посвящена изучению особенностей академической мобильности как одного из проявлений миграционного поведения высокопрофессиональных работников. Рассмотрены важнейшие характеристики высшего образования в эпоху глобализации, опыт исследования интеграции преподавателей вузов в международное образовательное пространство. Прикладная часть основана на анализе практики программы академической мобильности профессорско-преподавательского состава Байкальского государственного университета экономики и права.

Ключевые слова: академическая мобильность, высококвалифицированные мигранты, глобализация образования, инновационный проект, миграционное поведение.

D.I. Khlebovich

**HIGH-SCHOOL TEACHERS' ACADEMIC MOBILITY PROGRAM:
FORMAL PRACTICE OR LEARNING EXPERIENCE**

The article studies staff academic mobility peculiarities as a form of highly-qualified staff's migratory behavior, key characteristics of higher education in the globalization period, and analyzes experience of studying high-school teaching staff's integration into the international educational environment. The application part of the article is based on the analysis of the practices of High-School Teachers' Academic Mobility Program of Baikal State University of Economics and Law.

Keywords: academic mobility, professional migrants, globalization in higher education, innovative project, migratory behavior.

Глобализация, изменение взгляда на высшее образование и миграционные перемещения профессионалов. Глобализация определяется через систему широких экономических, технологических и научных трендов, которые в значительной степени неизбежны. Группы таких трендов непосредственно затрагивают и высшее образование, в котором сегодня циркулирует «немало моделей многонациональных инициатив» [2].

Согласно одной из позиций, можно выделить две тенденции, имеющие место при глобализации образования [6]: стремительную унификацию образовательных систем различных стран (этот процесс связывают прежде всего с Болонской декларацией, подписанной в 1999 г.); превращение образования в одну из разновидностей бизнеса.

Характер глобализации образования противоречив. По мнению одних, глобализация, Интернет и научное сообщество нивелируют пространство активности людей в эпоху взаимозависимого знания, повышают эффективность использования возможностей для развития более открытого общества, динамичной и инновационной культуры [12], для самых разнообразных потоков товаров, услуг и информации становится возможным достигать любой точки земного шара [8], увеличивают масштабы торговли образовательными услугами, ведут к возрастанию

конкуренции и повышению стандартов качества [17; 18]. Другие, напротив, полагают, что следствием этого процесса станет углубление неравенства в мире и «макдонализация» университета, нивелирование национальной самобытности, эксплуатация местных ресурсов [7]. Но есть и еще одна точка зрения, согласно которой все современные сложности высшего образования — от тех, что порождены его массовостью, до тех, что обусловлены ростом частного сектора и усилением проблемы глубокого неравенства, — являются результатом глобализации. Растущая автономия вузов, децентрализация и передача полномочий от национальных правительств региональным органам власти приносят еще больше разнообразия в системы национального образования, затрудняя их гармонизацию [13].

Влияние процесса глобализации на миграционные перемещения все чаще оказывается в фокусе исследовательских работ. Глобализационные процессы способствуют резкой интенсификации международных миграционных потоков, приводят к принципиально новой миграционной ситуации в мире. Не только объемы миграции имеют тенденцию к возрастанию, но и виды миграционных передвижений становятся все более разнообразными [5].

В литературе сложилось мнение, что в числе главных индикаторов глобализационных тенденций в науке — растущая интернационализация научной деятельности и усиливающаяся интеграция ученых в мировое научное сообщество, проявляющаяся в расширении практики зарубежных публикаций и патентования и их международного соавторства, активизация участия ученых в международных проектах и программах. Интенсификации подвержены и разнообразные международные научные коммуникации [15]. Расширение масштабов научной деятельности, осуществляемой за рубежом или совместно с зарубежными коллегами, обуславливает необходимость расширения соответствующих зарубежных контактов, которые при всей нынешней популярности виртуальных их форм нуждаются и в традиционных формах — путем личных встреч, реализуемых посредством международной миграции.

Характерна ли подобная тенденция и для системы высшего образования? Динамичность и рыночная ориентированность системы преподавания и программ подготовки, а также интернационализация рынка образовательных и преподавательских услуг — факторы, свидетельствующие в пользу утвердительного ответа. В университетской жизни происходит изменение привычных рутин. Университеты выбирают модели внутреннего развития, которые обуславливаются несколькими факторами, к числу которых относятся, например, межвузовский рынок преподавательских услуг, а именно наличие или отсутствие мобильности преподавателей и критерии их отбора [9]. «Маятниковая мобильность», миграция с обратной связью, по мнению исследователей, должны сегодня помочь активизировать взаимодействие российских ученых и преподавателей с мировым сообществом [4].

Международная миграция преподавателей вузов, возможно, еще и не приобрела масштабов, сравнимых с миграцией ученых, но она формируется, причем в разных формах, характерных для преподавателей центральных и периферийных вузов, естественных и гуманитарных дисциплин. Международные коммуникации в преподавательской среде выражаются в формах как традиционных для чисто научной среды (совместные исследования, стажировки, участие в конференциях), так

и в специфических (участие в программах академической мобильности, чтение лекций, стажировки для создания и усовершенствования учебных курсов и учебных планов).

Исследования интеграции преподавателей вузов в международное образовательное пространство. Интеграция преподавателей в международное образовательное пространство имеет ряд объективных предпосылок и осуществляется активно в разных форматах в течение как минимум 15 последних лет. Программы Tempus-Tacis, стартовавшие в 1995–1996 гг., создали базис для последующего развития этого процесса. На сегодняшний день рост миграционных потоков научно-технических специалистов, преподавателей и студентов отражает развитие целого ряда общемировых тенденций, одни из которых выступают как активно действующие факторы международной миграции, другие — как ее фоновые процессы [15]. Академическая мобильность рассматривается как характерный признак нынешней научной и образовательной системы [4].

С. Каслз предложил в качестве одного из восьми типов современных мигрантов выделять высококвалифицированных и бизнес-мигрантов. Профессиональные качества мигрантов Ф. Дювель использует как индикатор при разработке интегративной типологии миграции. Исследование разных профессиональных и малых этнических групп — одно из основных направлений современного изучения миграции населения. Исследования по интеллектуальной миграции были названы одной из основных тем в отечественных миграционных исследованиях. Отдельные виды миграции должны быть детально проанализированы — это один из современных подходов к исследованию миграции населения [5]. Насколько активно и всесторонне на сегодняшний день исследуется интеграция преподавателя вуза в международное образовательное пространство, какое место в этом процессе занимают различные формы мобильности рассматриваемой профессиональной группы, какие возникают последствия и эффекты для разных вовлеченных сторон? Влияние академической мобильности на различные характеристики научной и образовательной систем еще недостаточно изучено, хотя принято считать, что мобильность — механизм диффузии знаний. Анализ проблем академической мобильности часто сужается до проблематики образовательной мобильности (миграционное движение студентов, аспирантов).

В 2004 г. было проведено одно из первых масштабных эмпирических исследований (опрошено 2 тыс. преподавателей вузов по всей России), целью которого было сформировать портрет практической профессиональной деятельности преподавателя вуза [16]. Среди 15 видов повседневной деятельности преподавателя, принятых во внимание в данном исследовании, не были рассмотрены мобильность, учеба, стажировки. При этом, отвечая на вопрос: «Что должно, на Ваш взгляд, характеризовать хорошего преподавателя Вашего профиля, специальности?», знание зарубежного опыта преподавания данной науки абсолютно необходимым посчитали 31,4% опрошенных, желательным, но не обязательным — 49,8%, фактически не требующимся — 18,8%.

Исследование 2006 г., целью которого было изучение компетентного мнения преподавателей и руководителей вузов об интеграции в европейское образовательное пространство, охватило 368 чел., представлявших 20 государственных и негосударственных вузов России [3]. Для оценки отношения к интеграции и важности включения в этот процесс респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале 13 позиций.

Степень важности позиции «Повышение академической мобильности преподавателей» для развития вуза была оценена в 3 балла. Эта позиция оказалась на 9 месте среди 13 позиций, определяющих, по мнению преподавателей и администраторов, развитие вуза. Некоторый пессимизм связан, скорее всего, с недостаточным ресурсным обеспечением академической мобильности и недостаточным знанием иностранного языка — одного из решающих ресурсов мобильности.

Трудовая миграция исследователей — более часто встречающаяся в научной литературе тема исследования. В состав исследователей включаются ученые, ведущие как исключительно научные исследования, так и занимающиеся одновременно преподаванием. Применительно к данной группе изучались вопросы вовлеченности исследователей в международные научные команды, барьеры, затрудняющие мобильность, масштабы миграции российских ученых, миграционные намерения исследователей отдельных предметных областей, двусторонние взаимодействия [1; 4; 19].

Работники интеллектуального труда, в частности преподаватели вузов, испытывают влияние глобализирующейся среды, и под этим влиянием происходит формирование новых образцов поведения, в том числе миграционного. Совершенно справедливо отмечено, что прежняя жесткая дихотомия «возвращение-невозвращение» все чаще уступает место свободной модели индивидуального поведения, которая выстраивается с учетом конкретных для данного человека плюсов и минусов переезда [10]. *В связи с этим актуализируется необходимость изучения и систематизации относительно новых практик миграционного поведения, и в частности актов участия в программах академической мобильности. Более того, новые практики оказываются подкрепленными рядом появляющихся институциональных условий для активизации академической мобильности профессиональных групп, формирования системы академической мобильности и вовлечения профессионалов в эту систему. Одна из форм такой институциональной поддержки — инновационные проекты развития образования, иницилируемые и выполняемые целым рядом заинтересованных сторон.*

В России сформировалась специфическая практика академического пополнения: принимаемые на работу сотрудники не выходят на рынок труда и не участвуют во внешнем конкурсе, проходя лишь кадровый конкурс внутри вуза (как правило, формальный и неконкурентный). Отсутствие горизонтальных взаимодействий между университетами, низкая мобильность преподавателей приводит к локализации стандартов работы и круга усваиваемых компетенций, а также деформации внутренних факторов развития профессионального потенциала, внутренней мотивации (самореализации), доминированию «учительского» типа профессиональной деятельности в высшей школе [16]. «Внешняя» исследовательская команда или академическое сообщество в целом перестает оказывать значимое влияние, у преподавателей нет необходимости инвестировать в содержание и форму учебных курсов. Такое положение может быть хотя бы частично исправлено и улучшено посредством стимулирования академической мобильности и активного вовлечения преподавателей в такие программы. Параллельно следует изучать уже формирующуюся практику программ академической мобильности в целях отслеживания результатов, эффектов, лучших и худших образцов.

Инновационный проект развития образования — институциональная поддержка академической мобильности преподавателей вуза. Для российского образования проектирование является пока еще относительно новым методом реализации изменений, проектная культура только складывается [14]. Основные задачи администрации вуза и преподавательского состава в инновационном образовательном процессе заключаются в налаживании и поддержании адекватных связей между технологиями, содержанием обучения, разработкой курсов, их доставкой, развитием среды обучения и другими компонентами образовательного процесса [11]. В 2000–2004 гг. в Байкальском государственном университете экономики и права был реализован инновационный проект развития образования (ИПРО) «Разработка и осуществление мер по повышению уровня образования и соответствия учебного процесса международным стандартам высшего экономического образования» в рамках программы «Совершенствование преподавания социально-экономических дисциплин в вузах». Изменение требований к профессорско-преподавательскому составу вузов в плане владения новыми методиками преподавания, оценивания студентов, создания полного учебно-методического обеспечения преподаваемых курсов стало одним из важнейших факторов, повлиявших на принятие решение об участии в проекте.

В ходе реализации проекта решалось шесть ключевых задач, среди которых была и задача осуществления программ академической мобильности. Всего в ходе проекта было реализовано 34 контракта нескольких направлений, 5 контрактов было связано с программами академической мобильности преподавателей в России и за рубежом. 63 преподавателя приняли участие в программе мобильности в российских вузах, 23 — в программе мобильности в зарубежных вузах. Реализация программ академической мобильности составила вторую по величине группу контрактов. В их выполнении было задействовано 9 российских и 11 зарубежных вузов. Для профессорско-преподавательского состава было предельно важно принять участие в программах академической мобильности, поскольку это позволило частично преодолеть некий «образовательный вакуум», появившийся в условиях распада института повышения квалификации преподавателей высшей школы.

Какие эффекты вызвали программы академической мобильности среди преподавателей? Оказалось ли рассматриваемое мероприятие формальным фактом исполнения контракта или привело к полезным эффектам для преподавателей-участников? В течение апреля–мая 2008 г. было проведено исследование, цель которого состояла в определении отношения профессорско-преподавательского состава — участников ИПРО — к различным результатам проекта. В качестве способа сбора информации использовался опрос в форме анкетирования. Общее количество респондентов — 72 чел. Структурированная анкета состояла из 17 вопросов, 7 из них прямо или косвенно затрагивали программы академической мобильности.

Вовлеченность в программы академической мобильности составила почти 60%. Из тех, кто принял участие в программах академической мобильности, 26,7% были в командировке в зарубежном университете, а 73,3% — в российском. Длительность поездок составила от 2 до 6 недель, состав группы при поездке — от 2 до 5 чел.

На рис. 1 представлено распределение ответов респондентов на вопрос о степени решения отдельных задач проекта.

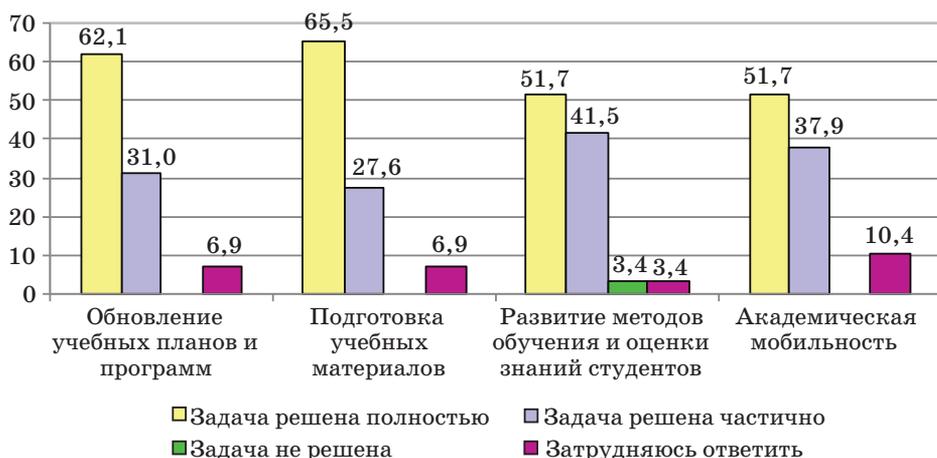

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о степени решения различных задач ИПРО, %

Данные рис. 1 свидетельствуют о том, что несколько меньшее количество респондентов согласилось с тем, что задачи программ академической мобильности были решены полностью, а также несколько большая доля затруднилась дать оценку. Можно предположить, что некоторая «критичность» в оценке степени решения задач программ академической мобильности связана с той массой организационных проблем, с которыми столкнулись участники и менеджмент проекта при выполнении данных контрактов. Однако отметим, что успешность программ мобильности в целом высока, особенно с учетом того, что подобная практика была осуществлена в университете впервые в таких значительных масштабах.

Академическую мобильность сегодня рассматривают как неотъемлемую часть процесса интеграции российского образовательного сообщества в международное образовательное пространство. А как участники программ мобильности относятся к приобретению опыта за пределами своей страны? Распределение ответов участников ИПРО на такой вопрос представлено на рис. 2.

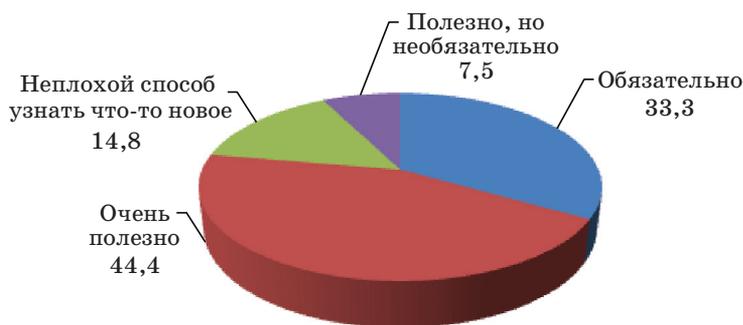

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Думаете ли Вы, что приобретение опыта за пределами своей страны...?», %

В ходе проведения оценки было важно узнать не просто мнение профессорско-преподавательского состава о результатах проекта, но и взгляды опрошенных на эффекты от реализации проекта, проявившиеся

в течение трех лет с момента его завершения. В частности, нас интересовало, повлияли ли программы академической мобильности на развитие международных связей и аккумулирование передового международного опыта. Мнения респондентов по этому поводу представлены на рис. 3.

В целом ответы на данный вопрос свидетельствуют об оптимистичных эффектах программы академической мобильности: 65,5% ответивших высказали свое согласие с утверждением. Более того, при ответе на открытый вопрос: «Какие самые актуальные вопросы в сфере развития образовательной деятельности БГУЭП удалось решить в ходе выполнения ИПРО?» вторым по частоте упоминания был ответ: «Изучение зарубежного опыта обучения и внедрение зарубежных стандартов организации учебного процесса».

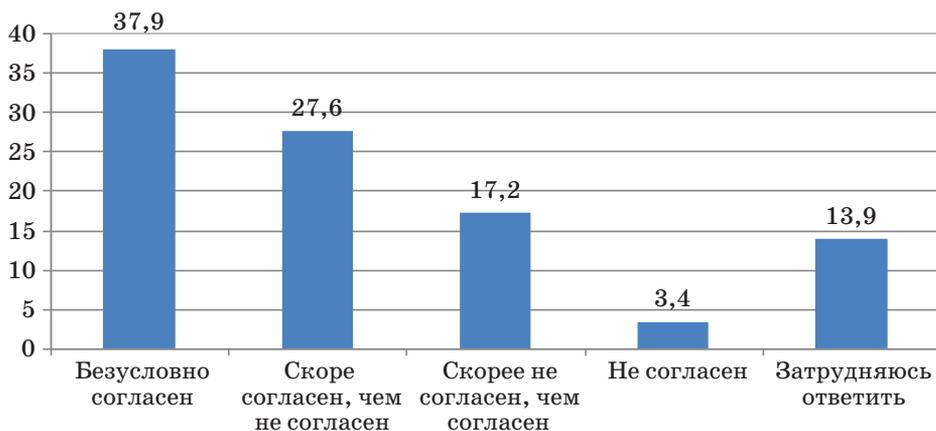

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы согласны с утверждением: «Реализация проекта и его результаты оказали позитивное влияние на развитие международных связей и аккумулирование передового международного опыта»?», %

При ответе на еще один открытый вопрос: «На каких направлениях следовало бы сосредоточить возможные будущие ИПРО?» абсолютное большинство преподавателей предложили сосредоточиться на организации программ академической мобильности, а также на активизации языковой подготовки преподавателей. Несомненно, второе является серьезным подкреплением первого. Усиление языковой подготовки преподавателей улучшит мотивацию к участию в программах мобильности и, как следствие, приведет к активизации данного процесса.

ИПРО и реализованные в его рамках программы академической мобильности могут быть оценены как успешные мероприятия, послужившие импульсом для дальнейшего развития вуза и его профессорско-преподавательского состава. У преподавателя формируются современные представления о профессиональном развитии, в котором программам академической мобильности отводится важная роль. Первые масштабные практики реализации таких программ свидетельствуют об этом.

Список использованной литературы

1. Аллахвердян А. Научно-образовательное сообщество психологов: эмиграционные намерения ученых и студентов / А. Аллахвердян, Н. Агамова // Социология науки и технологий. — 2010. — Т. 1, № 2. — С. 88–96.

2. Альтбах Ф. Глобализация и университет: мифы и реалии в мире неравенства / Ф. Альтбах // *Alma Mater*. — 2004. — № 10. — С. 18–21.
3. Артамонова М. Преподаватели и руководители вузов об интеграции в европейское образовательное пространство / М. Артамонова // *Социс*. — 2008. — № 1. — С. 146–151.
4. Ащеулова Н. Международная научная конференция «Миграционная мобильность ученых как механизм включения России в мировое научное сообщество» / Н. Ащеулова, В. Ломовицкая // *Социология науки и технологий*. — 2010. — Т. 1, № 1. — С. 186–190.
5. Блинова М. Социология миграции: история становления и перспективы развития / М. Блинова. — М.: КДУ, 2009. — 192 с.
6. Дусь Ю. Интеллектуальная колонизация / Ю. Дусь // *ЭКО*. — 2006. — № 2. — С. 76–92.
7. Йен Ч. Поощрение локального знания и развитие человеческого потенциала в условиях глобализации образования / Ч. Йен // *Менеджмент дайджест*. — 2004. — № 4. — С. 17–23.
8. Кочетков В. Глобализация в образовании: информационная война и «промыывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации? / В. Кочетков // *Вестник Московского университета*. — Сер. 18, Социология и политология. — 2005. — № 1. — С. 144–159.
9. Кузьминов Я. Академическая свобода и стандарты поведения / Я. Кузьминов, М. Юдкевич // *Вопросы экономики*. — 2007. — № 6. — С. 80–93.
10. Леденева Л. Российские студенты за рубежом: их профессионально-миграционные стратегии / Л. Леденева, Е. Тюрюканова // *Человек и труд*. — 2003. — № 4. — С. 54–57.
11. Николаева Л. Управление инновационными структурами высшей школы / Л. Николаева // *Инновации*. — 2007. — № 7. — С. 87–89.
12. Новикова А. Глобализация и медиаобразование / А. Новикова // *Alma Mater*. — 2009. — № 11. — С. 52–55.
13. Сагинова О. Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности / О. Сагинова // *Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова*. — 2004. — № 1. — С. 15–25.
14. Соболева Е. Своевременный проект / Е. Соболева // *Вопросы образования*. — 2007. — № 1. — С. 6–27.
15. Цапенко И. Международная миграция ученых и студентов: возможности государственного управления / И. Цапенко // *Вопросы государственного и муниципального управления*. — 2007. — Т. 2, № 2–3. — С. 37–58.
16. Эфендиев А. Профессиональная деятельность преподавателей российских вузов: проблемы и основные тенденции / А. Эфендиев, К. Решетникова // *Вопросы образования*. — 2008. — № 1. — С. 87–119.
17. Dunning J. The globalization of business: The challenge of the 1990s / John Harry Dunning. — L.; N. Y.: Routledge, 1993. — XII. — 467 p.
18. Globalization and the market in higher education: Quality, accreditation a. qualifications / Intern. assoc. of univ. Intern. univ. bureau. — P.: UNESCO; L. [etc.]: Economica, Cop., 2002. — VI. — 212 p.
19. Kumar N. Mobility of Highly Skilled Workers and Academic Collaboration in India and Russia / N. Kumar, D. Sharma // *Социология науки и технологий*. — 2010. — Т. 1, № 3. — С. 84–96.

Referenses

1. Allakhverdyan A. Nauchno-obrazovatel'noe soobshchestvo psikhologov: emigratsionnye namereniya uchenykh i studentov / A. Allakhverdyan, N. Agamova // *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. — 2010. — Т. 1, № 2. — С. 88–96.
2. Al'tbakh F. Globalizatsiya i universitet: mify i realii v mire neravenstva / F. Al'tbakh // *Alma Mater*. — 2004. — № 10. — С. 18–21.
3. Artamonova M. Prepodavатели i rukovoditeli vuzov ob integratsii v evropeiskoe obrazovatel'noe prostranstvo / M. Artamonova // *Sotsis*. — 2008. — № 1. — С. 146–151.

4. Ashcheulova N. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Migratsionnaya mobil'nost' uchenykh kak mekhanizm vklyucheniya Rossii v mirovoe nauchnoe soobshchestvo» / N. Ashcheulova, V. Lomovitskaya // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. — 2010. — T. 1, № 1. — S. 186–190.
5. Blinova M. Sotsiologiya migratsii: istoriya stanovleniya i perspektivy razvitiya / M. Blinova. — M.: KDU, 2009. — 192 s.
6. Dus' Yu. Intellektual'naya kolonizatsiya / Yu. Dus' // EKO. — 2006. — № 2. — S. 76–92.
7. Ien Ch. Pooshchrenie lokal'nogo znaniya i razvitie chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh globalizatsii obrazovaniya / Ch. Ien // Menedzhment daidzhest. — 2004. — № 4. — S. 17–23.
8. Kochetkov V. Globalizatsiya v obrazovanii: informatsionnaya voina i «promyvanie mozgov» ili dostup k mirovym znaniyam i blagam tsivilizatsii? / V. Kochetkov // Vestnik Moskovskogo universiteta. — Ser. 18, Sotsiologiya i politologiya. — 2005. — № 1. — S. 144–159.
9. Kuz'minov Ya. Akademicheskaya svoboda i standarty povedeniya / Ya. Kuz'minov, M. Yudkevich // Voprosy ekonomiki. — 2007. — № 6. — S. 80–93.
10. Ledeneva L. Rossiiskie studenty za rubezhom: ikh professional'no-migratsionnye strategii / L. Ledeneva, E. Tyuryukanova // Chelovek i trud. — 2003. — № 4. — S. 54–57.
11. Nikolaeva L. Upravlenie innovatsionnymi strukturami vysshei shkoly / L. Nikolaeva // Innovatsii. — 2007. — № 7. — S. 87–89.
12. Novikova A. Globalizatsiya i mediaobrazovanie / A. Novikova // Alma Mater. — 2009. — № 11. — S. 52–55.
13. Saginova O. Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya kak faktor konkurentosposobnosti / O. Saginova // Vestnik REA im. G.V. Plekhanova. — 2004. — № 1. — S. 15–25.
14. Soboleva E. Svoevremennyi proekt / E. Soboleva // Voprosy obrazovaniya. — 2007. — № 1. — S. 6–27.
15. Tsapenko I. Mezhdunarodnaya migratsiya uchenykh i studentov: vozmozhnosti gosudarstvennogo upravleniya / I. Tsapenko // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. — 2007. — T. 2, № 2–3. — S. 37–58.
16. Efendiev A. Professional'naya deyatel'nost' prepodavatelei rossiiskikh vuzov: problemy i osnovnye tendentsii / A. Efendiev, K. Reshetnikova // Voprosy obrazovaniya. — 2008. — № 1. — S. 87–119.
17. Dunning J. The globalization of business: The challenge of the 1990s / John Harry Dunning. — L.; N. Y.: Routledge, 1993. — XII. — 467 p.
18. Globalization and the market in higher education: Quality, accreditation a. qualifications / Intern. assoc. of univ. Intern. univ. bureau. — P.: UNESCO; L. [etc.]: Economica, Cop., 2002. — VI. — 212 p.
19. Kumar N. Mobility of Highly Skilled Workers and Academic Collaboration in India and Russia / N. Kumar, D. Sharma // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. — 2010. — T. 1, № 3. — S. 84–96.

Информация об авторе

Хлебович Дарья Игоревна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и менеджмента сервиса, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: dashakhl@rambler.ru.

Author

Khlebovich Daria Igorevna — PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Service Economy and Management, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: dashakhl@rambler.ru.